

**ФЁДОР
ГЛИНКА**

**ДЕВА
КАРЕЛЬСКИХ
ЛЕСОВ**

«Дева карельских лесов» — повесть в стихах русского поэта, писателя и публициста Федора Николаевича Глинки (1786–1880).

Человек, бежавший от преследований закона, укрылся в карельских лесах. Там он сошелся с местной девушкой и она родила ему прекрасную дочь, о которой и пойдет речь в этой повести. Известность Федору Глинке принесли также произведения «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой», «Очерки Бородинского сражения», «Стихотворения», «Иов», «Вельзен, или освобожденная Голландия», «Письма русского офицера», «Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия», сборник «Проза». Федор Николаевич Глинка был не только литератором, но еще и офицером и общественным деятелем, участвовал в движении декабристов. Его богатый боевой и жизненный опыт отобразился в его творчестве.

Федор Николаевич Глинка

ДЕВА КАРЕЛЬСКИХ ЛЕСОВ

Повесть в стихах

А.** А.** Н.**¹

Я обещал вам переслать, в письмах, статистическое описание Олонецкой губернии, края уединённого, бедного людьми (ибо на 12 000000 десятин здесь едва найдется 100000, и то не совсем постоянных жителей), но богатого великими запасами лесов еще нетронутых, руд неископаемых, каменных пород (мрамора, порфира и проч.) высокого достоинства, красильных земель и камней, могущих стать наряду с драгоценными, ибо, кроме других, на островах Кижы находят хорошие аметисты. Я уже собрал некоторые материалы для составления обещанного. Но пока созреет что-нибудь довольно удовлетворительное для строгих требований науки, примите, в знак дружбы и благодарности за дружбу, мою небольшую повесть. Она познакомит вас отчасти с пиитической стороною сих лесистых пустынь, на пространстве которых почивают огромные озера, почти можно сказать — пресные моря, ибо Онега имеет более 1000 верст в окружности и 10000 кв. верст площади.

Что касается до описанного происшествия — содержания повести, — я объясняюсь о нем в особом введении.

ВВЕДЕНИЕ

Около 1695-го года, леса, окружающие пустынное озеро Лексу, укрывали трех братьев-изгнанников. Они были княжеского рода. Память о них и поныне жива в пустыне Выгорецкой.

В 18** году один из почтеннейших в сем крае (в Олонецкой губ.) чиновников, искусный стрелок, любя странствовать в диких местах (он, может быть, находил в них сходство с своим природным отечеством — горною Шотландиею), проник однажды далее обыкновенного в лесистые окрестности города Петрозаводска, застрелил большую медведицу с двумя подростками и в чаще пустынного леса заметил следы постоянного жилища человека. В ту же ночь сделал обыск; лучи зажженной лучины осветили темноту бора, и открылось, что там, в местах необитаемых, действительно жил, с давнего времени, человек, уклонявшийся от преследования закона. Он был женат и уже в пустыне стал отцом 5-х детей. Все они жили в хижине, имели корову и некоторое хозяйственное обзаведение.

И в самые недавние времена находили по лесам Олонецкой губернии уединенных скитальцев, скрытно проживающих, иногда по нескольку лет, в убогих хижинах. Вместе с ними представляли в суде небольшое их имущество.

Оно состояло из самодельных шведских гуслей, разных изделий из карельской березы и мелочных вещиц, украшенных резьбою. Сим, говоря по-русски, коротали время сии отшельники от общества, которое должно было преследовать их законом возмездия.

Я предлагаю повесть также о несчастных. — Может быть, читатели захотят исследовать: когда? где? и кто такие они были? Это намерение легко может произойти и от духа нынешнего времени, которого отличительная черта — есть стремление со всего снимать покров, все исследовать не только в науках положительных, но и в самых изящных художествах и в самой поэзии! Но, прежде чем приступят к разбору моей повести с намерением узнать, что в ней истинно и что принадлежит изобретению, да позволено мне будет предложить небольшой рассказ. Вот он.

Где-то на Востоке, кажется, там, где в пределах древнего Ирана красуется богатый Ширас, славясь своим огнистым вином, чудесными озами и песнями Хафиза, которого стихи пламенны, как вино, и благовоны, как розы его пленительной отчизны, — кажется, так, как мне рассказывали, случилось однажды нечто достойное быть пересказанным. Молодой человек (вероятно, он был еще очень молод!) гулял в долине (ей, как слышно, дано было звучное название: бильбил и стон, т. е. долина соловьев), нашел прелестную розу. Она блистала румянцем зари и была свежа, молода и прекрасна, как любимейшая из ясен великого шаха, когда выходит она из благовонной купальни своей, чудесно устроенной из хрусталя и зеркал. Долго любовался юноша цветком своим и мог бы любоваться им еще долее... Но ему пришла мысль: исследовать, отчего в розе аромат и румянец? Какие части составляют — цветок? Что можно найти в нем существенно прекрасного? и так далее. Вздумал — и сделал. Уже все листки ошипаны, поток разобран, стебель изломан...

¹ А**. А*. Н**. — Андрей Афанасьевич Никитин, друг Глинки.

Олонецкая губерния — ныне территория Карельской АССР, частично — Архангельской и Ленинградской областей.

И что ж открылось? — Искатель, вообразив найти многое, не нашел ничего, но потерял и цветок и наслаждение... После этого поступайте как угодно с моей повестью.

Но если и чудесная ширасская роза не выдержала холодного исследователя, то что станется с этим бедным цветком, кое-как выросшим на бесплодной олонецкой почве?

ЧАСТЬ 1

1

Над озером, в затишье диком,
Лишь чайки да гагары криком
Тревожат отзвывы в лесах,—
Когда на высях коршун жадный
Плывёт, чернея в небесах
Как пятнышко... Безлюдный, хладный
Залег, как в гроб, в обломки гор
Сей край с своими валунами²;
Он весь колючими стенами
И цепью обнесен озер.

2

Как озеро зовут? — кто знает?
Без имени лежит оно!
Его нерудяное дно
К себе людей не привлекает!..
На что? — Зачем туда? Кому?
Сей дикий край (в быту пустынном
Ему и имя не дано!)
Лежит, как синее пятно³,
Вдали, на небосклоне длинном.
Так видят иногда его
С озер, где сойма пробегает,
И на вопрос: «Кто там?» бывает
Один ответ: «Там никого!..
И кто-то в зеркале великом
Лесистый берег нарисовал...
Под рамой каменной светило
Оно, как вылитая сталь,
Но было тускло и уныло,
Как над песчаной степью даль,
Как затаенная печаль;
Оно с туманным, бледным ликом
Давно, давно в пустыне спит;
Как тайна, бор над ним молчит.

² **Валунами** называются камни, часто огромной величины: это обломки первосозданных гранитных гор, принесенные сюда каким-то великим движением вод.

³ В окрестностях высот г. Петрозаводска, как, например, из деревни Сельга («сельга» на языке туземцев значит распаханная гора) и с других возвышений, видны места лесистые, пустые, никем не обитаемые, которые синеют на горизонте длинном; ибо он, всегда почти бестуманный, открыт на большое пространство. Насчет крайней уединенности таких лесных пустыней рассказывают следующий забавный анекдот. Обыватели лесной деревеньки, живущие, как здесь говорится, наедине, удалены будучи от приходской церкви и всякого сношения с местным населением, ведут свой расчет без святцев и календаря и однажды ошиблись весьма неловко. Один из них приехал в город закупать провизию для масляной недели. Горожане, изумясь, спрашивали: «Да для чего покупаешь ты скоромное?» — «Для масляной», — отвечал тот. «Какая теперь масленица? Ты слышишь, звонят по великому посту: уж первая неделя!» Покупщик, разумеется, возвратился к своим и объявил, что они масленицу просчитали!

Однако ж иногда мелькнут
 И там одна, порой две тени,
 И мнится, будто бы взойдут
 На обнаженные ступени
 Зеленовидных сих громад...
 Над спящим лесовым кристаллом,
 Под алым утра покрывалом
 Скользит украдкой чей-то взгляд...
 И счастье, что не замечают!..
 Что некому подслушать их!..
 Тут, точно тут! — порой вздыхают
 И шепчутся в пустынях сих!..
 Там никого... Так отчего лее
 В лесах огни горят порой,
 И в диких дебрях, в бездорожье,
 Мелькает кто-то под горой?
 Без бури движутся озера
 И говором полны пещеры?
 Карелы дикой ведуны
 Вам много чудного наскажут
 О тайнах сей лесной страны,
 Сорвут покров и вам покажут
 Людей, селенья, города,
 Их быт, хозяйство, их стада...

И там же слышен рев коровы,
 И в чаще ржание коня,
 И чей-то свист в глуши дубровы...
 И... Всё уверило меня,
 Что там не без людей!.. Есть кто-то!
 Вот, на песке, остался след!..
 Где ж временем выдают свет?...
 Порой, как будто за работой,
 Стучат... а кто? и где?... Кому
 Там быть? Туда и лыжи
 Не мчат ловца: там что ему?...
 И звери вьются близко хижин⁴.
 А там всё глушь и пустота!
 Оголодав в лесах без снеди,
 Отголь выходят и медведи.
 А след? — А признаки? — Мечта!

Нет, не мечта! Я верно знаю:
 Есть... Есть там житель, и какой!..
 Над безымянною рекой,
 Уж часто сам... я сам выдаю...
 Нет! Не пуста сия страна!..
 Пускай дика и неизвестна,
 Тем лучше! В ней... и как прелестна!

⁴ «И звери вьются близко хижин». Здесь замечено, что звери охотнее собираются там, где больше засеянных полей и домашнего обзаведения. Из пустынь выгоняет их, вероятно, недостаток в прокормлении.

И как стройна! И как она
Легко скалы перебегает,
Чуть тень за нею поспекает;
В руке стрела, натянут лук,
Она владеет ими ловко!
Но почему же не с винтовкой?
Как можно! В их пустыне звук—
Беда! Он тайную, обитель
Откроет, огласит; наш житель
Укрыт от мира, чужд всего...
Но мне пора открыть его!..

6

Не говорите людям! Бедный!
Пусть доживает! Что губить?
И так задумчивый и бледный!..
И так, в тоске, уж тлеет нить
Его лесной печальной жизни...
Покинув дом, свои поля,
Отброшен от своей отчизны,
Он... как обломок с корабля,
Упав, забыт в день жаркой битвы,
Кружится... Уж давно пришел
Корабль и встречные молитвы
И радость у своих нашел;
А где ж обломок? Он, несчастный!
Всё бьется на волнах, пока,
Гоним тревогой повсечасной,
У берега... невод рыбака
Его нечаянно хватает,
И он в далекой стороне,
Иссохший, медленно сгорает
В чужбине, на чужом огне...
Так он!.. Но имя будь сокрыто!
Страдальцев тайной дорожу!
И всё, что мной от них открыто,—
Без их имен я расскажу.

7

Он... видите ль... он обвиненный...
За что и как?... Не знаю я...
Но за семнадцать лет семья
Иль только он (спасенный,
Отколь: с дороги ль? из тюрьмы?
Кто знает? О том не знаем мы!),
Она и он в сии пустыни
Пришли и погрузились там,
Где — видите ли? — бор тот синий...
Тот угол неизвестен нам!..
Однако ж, из глухой Карелы
Возя заводские урки⁵,
Видали, что в волнах реки
Спокойно плавал лебедь белый.

⁵ **Урками** называется повинность в натуре, которую отправляют крестьяне Петрозаводского уезда, приписанные к казенным заводам. Под названием урков (или уроков) возят уголь (который жгут в лесах) и руду, добываемую со дна озер.

Смекали, может быть, и то,
Что вряд ли та пуста дуброва:
Мелькнет в ней конь, порой корова...
И как им быть в бору пустом?—
Есть слух, что прежде в ближни селы⁶
Ходили наши по ночам
И добрые сыны Карелы
Делились с ними... Но и там
Вдруг стало строго... Все боялись:
Никто не заходил уж к ним,
И наши в свой пустырь прижались,
И им досталось жить одним...
Одним! Но кто знавал, кто знает,
Что значит дружба двух сердец,
Меня тот верно понимает!..
Притом он скоро стал отец.
Но, бедная!.. Ее печали
(Быть может, память лучших дней!)
Томят, томят... И вот уж ей
Недолго жить! Уж погасали
И чувства и огонь очей...
Грустили ль вы в тиши ночей
С прелестной, гибнущей звездой,
Отпавшей от выси своей?...
Так, в цвете, с жизнью молодою,
Отпала, бедная, она!
И мы — под склоном старой ели—
Ее нашли б пустынный гроб,
Когда б не снежные метели
Взбурили белый там сугроб!..

8

А кто же он? — Один?... Их двое:
Младенец-дочь при нем растет!
В ней радостно, в нем сердце поет:
Он ею, им она живет!..
Не зная лучшего, не знает
Она ни света, ни людей:
По берегам озер гуляет
И свежей младостью своей,
Как роза дебрей сих, блистает,
И помнит их судьба... И вот
Еще товарищ им!.. Он белый!..
На озерах глухой Карелы
Крылатый плавает народ:
То лебеди! Один — так было,
Когда летать пришла пора
И замерзали озера,—
Замедлил... Вдруг его схватило:
Он крыльями примерз ко льдам!..⁷

⁶ Ребольские погосты.

⁷ «Он крыльями примерз ко льдам». Один из здешних чиновников сам таким образом поймал лебедя; обеспечась красным осенним днем, лебедь расположился плавать на одном из пустынных озер, которое при внезапно переменявшейся температуре (что здесь случается очень часто) вдруг начало мерзнуть, и крылатый плаватель захвачен леденеющей поверхностью воды. В Повенецкую и Беломорскую Карелию налетает много лебедей; есть даже в Лекшморецком приходе одно озеро, названное Лебязьим. В той стороне открыт ныне богатейший запас лиственницы.

Но он спасен! — И вот гуляет
С молодою девой по лесам,
И лишь порой его смиряет
Из шерсти розовый шнурок.
Вот, стройный, с ожерельем красным,
Не любит быть он одинок—
И ходит спутником прекрасным!..

9

Как их проходит день? Как ночь?
Что делать в вечер длинно-томный?
Смотря на свод небес огромный,
Он часто говорил ей: «Дочь!
Взгляни на красоту созданья,
На этот круглый свод небес,—
У бога много есть чудес...»
И повторял он ей преданья—
Преданья памяти веков,—
Как древле вечная любовь
Явиться в тварях восхотела,
Как раздалось: «Да будет свет!»
И жизнь младая закипела,
И началось течение лет.
Как из стихийных, бурных споров,
Пестрея тысячами узоров,
Явилась круглая земля,
И улеглись над нею бури,
И, в раззолоченной лазури,
Постлались черные поля.
Он говорит, что нам известно,
Как дивный, в таинствах судьбы,
Ведет нас промысел небесный,
Что мы у бога не рабы,
Но слабые, больные дети;
Что некогда расставил сети
В стране блаженства праотцам
(По них враждующий и нам)
Коварный, умный искуситель,
И как страданьем искупитель
Опять нас с богом примирил.
Так, умиленный, говорил,—
Дочь слушала, а высь пустая
Переменялась: золотая
Черта за полною луной
В оттенках радуги сияла;
И часто, в тишине ночной,
На звездном серебре пылала
И расстилалась по горам
Заря от севера... Прекрасно
Передавались озерам
Огни и пурпур. Не напрасно
Он поучал, он говорил:
От ранних вечера светил
До утра длинной, длинной ночи
Ее не закрывались очи.
И, встретясь с розами зари,

Она еще отцу внимала
И с детской лаской лепетала:
«Что ж ты умолкнул? Говори!»

10

Пожар!.. Или кончина света!
Я вижу признаки рассвета
В час полночи. — Ужель сбылось,
Что солнце вспыхнет в час полночи?
Смотрите, зарево зажглось!
Не изменяют ли нам очи?
Несутся чрез зеленый лес
Потоки пурпурного пламя:
Не ангел ли в выси небес
Свое разворачивает знамя?...
Еще полночь... И даль тиха...
Всё глухо в дебрях и пещерах,
И слышен голос петуха
На восемнадцати озерах...
Но прояснилась вышина,
Виденья тайна прояснилась;
Огнем и кровию полна,
Луна огромная явилась...
В Карелии, в глуши лесной,
Что занимает их? Порой
(Бывает чаще то весной)
Они пленяются игрою
Воздушных, радужных картин:
Встает, как башня, исполин,
Скользит огромными ногами
В хрустальном поле вешних льдов,
Главою ищет облаков
И странствует над озерами...
Зарей и синевом горит
Его прозрачная одежда...
Он мысли, как мечта, манит
И исчезает... как надежда...
«Кто ж это? — дева говорит. —
Отколь виденье возникает?»
«То воздух! То игра лучей.
Так часто у людей бывает,
Обман для сердца и очей», —
Вздыхнув, отец ей отвечает.
В Карелии богатство — виды!
Идешь — и пред тобой вдали
Египта виды: пирамиды,
Заливы, реки, корабли
И стены с длинными зубцами...
В Кареле — корбы⁸, как шатры,
И синеглавые бугры
Под шелковидными чалмами;
В них замечает полосами

⁸ **Корбы** — это слово Глинка объясняет в примечании к стихотворению «Летний северный вечер» (1827–1829): «Корбами называют здесь (в Олонецкой губернии) самые дикие места в глухих лесах, где ели, сплетая вершины свои, составляют довольно твердый свод над влажно-каменным грунтом. В сих затишных уютах сохраняется и зимою такая степень теплоты, что чижи цельными стадами ищут себе убежища» (Ф. Н. Глинка. Избранные произведения. Л., 1957, с. 273).